

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**Институт русского языка и словесности
Кафедра литературы и методики её преподавания**

**Научно-исследовательская лаборатория «Рациональное и
эмоциональное в литературе и фольклоре»**

**Кафедра русистики Университета Центрального Ланкашира
(г. Престон, Великобритания)**

**РАЦИОНАЛЬНОЕ
И ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ
В ЛИТЕРАТУРЕ И ФОЛЬКЛОРЕ**

**Сборник научных статей по итогам X Международной
научной конференции «Рациональное и иррациональное в
литературе и фольклоре»
(Волгоград, 30-31 октября 2019)**

Волгоград 2019

УДК 82(091)
ББК 83.3(0)
Р27

Ответственный редактор:

Е.Ф. Манаенкова

Редакционная коллегия :

А.О. Путило, О.О. Путило, Н.Е. Рябцева, Л.Н. Савина,
Н.Е. Тропкина

Р27 Рациональное и иррациональное в литературе и фольклоре: сборник научных статей по итогам X Международной научной конференции «Рациональное и иррациональное в литературе и фольклоре» Волгоград, 30-31 октября 2019) / М-во образования и науки Рос. Федерации, Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т, ин-т рус.яз. и словесности, каф. лит. и методики ее преподавания [и др.]; отв. ред. Е.Ф. Манаенкова; редкол.: А.О. Путило [и др.] – Волгоград : Фортесс, 2019. – 432 с. – ISBN 978-5-903705-28-3

Сборник статей подготовлен по итогам X Международной научной конференции «Рациональное и иррациональное в литературе и фольклоре», состоявшейся 30-31 октября 2019 г. в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете. Конференция проводилась при финансовой поддержке РФФИ в рамках гранта 19-012-20101\19 и темы НИОКР «Категории “ум” и “сердце” в литературе и фольклоре» № 01201068023.

Предназначен для литературоведов, фольклористов, культурологов, лингвистов, искусствоведов, преподавателей филологических дисциплин и специалистов гуманитарного профиля.

УДК 82(091)

ББК 83.3(0)

© Волгоградский государственный
социально-педагогический университет, 2019

© Авторы статей, 2019

© Издательство «Фортесс», 2019

литературе и фольклоре. – Волгоград: Перемена, 2019. – С. 398–404.

Литература

1. Манро Э. Ты кем себя воображаешь? [Электронный ресурс]. – Санкт-Петербург: Азбука, 2015. URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=77162&p=1 (дата обращения: 10.10.2019).
2. Alice Munro: In Her Own Words. Interview by Stefan Asberg // The Nobel Prizes. – Sagamore Beach: Watson Publishing International LLC, 2014. – С. 323–337.
3. Merkin D. Northern Exposure [Электронный ресурс] // The New York Times 24.10.2004. URL: <https://www.nytimes.com/2004/10/24/magazine/northern-exposures.html> (дата обращения: 10.10.2019).
4. The Nobel Prize in Literature 2013 [Электронный ресурс] // NobelPrize.org. Nobel Media AB 19.07.2019. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/2013/summary/> (дата обращения: 10.10.2019).

И. Яндль
Австрия, Вена

ДЕТСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ: РАЦИОНАЛЬНОЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГАЙТО ГАЗДАНОВА И ПАВЛА САНАЕВА

В статье уделяется внимание рациональным и эмоциональным компонентам детского восприятия в произведениях Гайто Газданова «Счастье» и Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом». Противопоставляются два юных героя, которые понимают социальные отношения более четко, чем окружающие их взрослые: причём газдановский Андрэ делает свои выводы рационально, а санаевский Саша – по эмпатическому восприятию ситуации.

Ключевые слова: детская перспектива, эмпирическая реальность, рассуждение, эмпатия, восприятие, чувства.

The article discusses child perspective in literature referring to rational and emotional components of perception. Two young characters will be contrasted: Both of them perceive social relationships more clearly than the adults responsible for them, but while Gazdanov's André generates his insights by rational deduction, Sanaev's Sasha gains them through empathy.

Keywords: child perspective, empiric reality, ratio, empathy, sensation, emotion.

Предметом анализа в данной статье является соотношение эмоционального, рационального и иррационального в рассказе Гайто Газданова «Счастье» (1932) и автобиографической повести «Похороните меня за плинтусом» (1996) Павла Санаева.

Как известно, рациональное и эмоциональное имеют отношение к концепту эмпирической реальности Иммануила Канта, который отмечал связь пространства с перцепцией, а времени – с чувствами, из чего «рождается субъективность человека во взаимосвязанности восприятий и эмоций: «Что меня обманывает, зрение или чувство? (Ведь эмпиризм основывается на чувствуемой, а рационализм – на усматриваемой необходимости)» [Kant 2014: 119]. Исходя из этой посылки, эмпирическую реальность, получившую отражение в изящной словесности, следует рассматривать именно как соотношение между эмоциональным и рациональным.

Говоря о маленьких героях художественных произведений, следует вспомнить и высказывание Джона Локка, полагавшего, что разум как врожденное свойство не присущ человеку: «Очевидно, что дети <...> не имеют ни малейшего понятия или помышления» [Локк 1985: 97]. Между тем, детское восприятие не является ни безрассудным, ни неосознанным.

По мнению психологов, ребенок осваивает свои чувства в процессе общения со взрослыми, в то время как его самосознание тесно связано с нарративной логикой собственной биографии¹. Неслучайно Лев Выготский в исследовании «Мышление и речь» (1934), анализируя соотношение между общением и самопознанием, указывал на важную роль эмоций в этом

процессе: «Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции» [Выготский 1999: 302–303].

Как правило, взрослые понимают суть социальных обстоятельств, а дети их чувствуют. Так, например, в рассказе Газданова мальчик, по имени Андрэ, несмотря на скрытный характер, лучше, чем его отец, понимает причины измены мачехи, а Саша Савельев, детское *alterego* Павла Санаева, хорошо усвоил, что не следует демонстрировать любовь к матери в присутствии ревнующей к ней бабушки, у которой он живет. Однако не следует противопоставлять эмоциональное начало рациональному, скорее всего, перед нами два «слоя» информации, которые часто не совпадают.

Традиционно «мир ребенка <...>наполнен гармонией родительской любви, играми с товарищами, детскими забавами и нехитрыми радостями» [Перевалова 2018: 191]. Однако ни в рассказе Газданова, ни в повести Санаева мы не встречаем покоя, счастья и надежной любви родителей: «детский рай» существует только как представление юных героев о времени до потери матери, которое они не помнят. Из-за разлуки с самым близким человеком мир детства воспринимается как ежедневное столкновение со сложными обстоятельствами, которые касаются в большей степени проблем взрослых. Причём герой рассказа Газданова – Андрэ – к жизненным перипетиям относится скептически. Хотя наивная детскость контрастирует с тем, что ему исполнилось уже пятнадцать лет, данная конstellация рефлектирует неполноценность подростка в отношениях со взрослыми, что является типическим для реализма XIX-ого века². В отличие от Андрэ, Саша Савельев живет и мыслит в обособленном детском мире, что характерно в большей степени для нового реализма XXI-го века, который в рамках сочетания социальной зависимости со свободой мышления старается ограничить влияние взрослых на детские решения и поступки.

Повесть Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом» начинается с общих автобиографических сведений: «Меня зовут

Савельев Саша. Я учусь во втором классе и живу у бабушки с дедушкой. Мама променяла меня на карлика-кровопийцу и повесила на бабушкину шею тяжелой крестягой. Так я с четырех лет и вишу [Санаев 2018: 5]. Это экспрессивное признание воспринимается как «сказ». Дословно повторяя то, что слышит от взрослых, особенно от бабушки, рассказчик живописует безрадостную картину своей жизни. Отметим, что в произведении Санаева эмоциональное начало явно преобладает над рациональным, причём не только тогда, когда автор воспроизводит мировоззрение ребенка, но и когда он описывает поведение бабушки. Непредсказуемые аффекты, которыми обычно отличаются дети, присутствуют особенно в её отношении к Саше. Несмотря на то, что бабушка часто сетует на страдания, связанные с присмотром за внуком, она воспринимает его как самое ценное в своей жизни: «Она говорила, что сама любит меня больше жизни, и знакомые, дивясь на такое счастье, восхищенно качали головами и, сокрушаясь моей несообразительностью, требовали: „Обними бабушку свою, что стоишь! Сколько сил она тебе отдает, пусть видит, что ты ее тоже любишь”» [Там же: 204]. Данная цитата свидетельствует о том, что бабушка действительно требует от мальчика наглядных доказательств любви, тем самым вынуждая его подавлять и скрывать истинные эмоции.

Хотя Саша постоянно скулит по маме, он знает, что открыто проявлять свои чувства нельзя, чтобы не огорчать бабушку, которая является его «жизнью, а мама – редким праздником. У праздника были свои правила, у жизни свои» [Там же: 226]. Соблюдение этих правил приводят к тому, что ребёнок начинает демонстрировать негатив по отношению к маме: он смеётся, когда бабушка с балкона на неё выливает вермишель. Мальчик очень тонко ощущает, что ему дозволено и чего нельзя. На этом уровне он рационально принимает решения и действует так, как ему нужно, чтобы избежать проблем и чтобы не разочаровать ни мать, ни бабушку, которых он искренне любит. Наблюдая за поведением взрослых, Саша учится хитрить, чтобы легче устроить впоследствии свои отношения с окружающими. Таким образом, он приобретает способность к более сложным

рассуждениям, синтезирующим эмоциональное и рациональное начала. Если же попытаться оценить действия бабушки, то можно заметить, что старая женщина одновременно реагирует на происходящее и эмоционально, и иррационально: оказывая моральное давление на близких ей людей, причиняя им страдания, она, тем не менее, любит и свою дочь, и своего внука.

В отличие от Саши и его бабушки, персонажи рассказа «Счастье» сильными аффектами не отличаются. По наблюдению Лазло Диенеш, в поведении героев Газданова преобладают эмоции, которые характерны для «дорационального, детского мировоззрения» [Диенеш 1995: 157]. Кроме того, можно заметить «тесное взаимоотношение перцепции и эмоции, которое часто фигурирует как самостоятельный процесс, независимый от фабулы, хотя такие описания обычно ее мотивируют» [Jandl 2019: 19]. Для данного рассказа характерна ещё одна авторская особенность: противопоставление недетского мировосприятия ребёнка и детской наивности взрослого.

В отличие от доверчивого родителя, не замечающего, как ему изменяет вторая жена, подросток догадывается об этом, анализируя разговор Мадлэн с её любовником: «Когда я еду к вам, – ответил мужской голос, – я чувствую, что у меня вырастают крылья. – Крылья любви? – опять сказала Мадлен. <...> Андрэ отошел от окна и сел в кресло. <...> – Крылья любви, – повторил он про себя, – где я читал про крылья? И он вспомнил, что читал про некоторые породы муравьев, у которых во время периода любви вырастают крылья, и они поднимаются в воздух и потом падают и гибнут тысячами.<...> Вот они, крылья любви. Это о них говорит Мадлен. А папа? И Андрэ лег на диван и заплакал» [Газданов 2009: 346]

Разумеется, Андрэ воспринимает измену мачехи интуитивно-эмоционально, на том уровне, на котором он ощущает отношения взрослых, но себе он объясняет это событие, руководствуясь ассоциативно-логическими рассуждениями, являющимися закономерным продолжением его естественнонаучных интересов. Его эмоциональная реакция является следствием сильного потрясения, возникшего в

результате рационального осознания подростком самого факта измены. Отец же Андрэ, напротив, довольно долго не замечает этого печального обстоятельства, этому добродушному человеку не свойственны ни рациональное сомнение, ни интуитивно-эмоциональное восприятие данной ситуации.

Как и в тексте Санаева, эволюцию эмоционального начала в рассказе Газданова можно проследить, анализируя разговоры взрослого и ребёнка. Однако, в отличие от Сашиного общения с бабушкой и мамой, между Андрэ и его отцом существует полная гармония. Если герой Санаева постоянно непроизвольно вступает в эмоциональные споры со взрослыми, то персонажи Газданова предпочитают даже не обсуждать личные чувства: «Потом Андрэ подумал о своих вечерних разговорах с отцом, которые стали происходить только в самое последнее время, когда Дорэн впервые заговорил с сыном как со взрослым. Чаще всего это был один и тот же спор; он начинался с того, что Андрэ приходил к отцу спросить его мнение о том или ином историческом событии или о книге, которую он прочитал. – Ну, хорошо, – говорил Дорэн, – скажи мне, пожалуйста, что ты думаешь по этому поводу, а я потом тебе сообщу, как я это понимаю» [Там же: 349]. Таким образом, размышляя на отвлечённые темы, собеседники касаются больных тем, связанных с эфемерностью чувства любви и страха. Это понимает не только Андрэ, но и его отец, который, так же как и сын, неспособен открыто выразить то, что эмоционально происходит внутри него. Таким образом, взаимопонимание достигается без разговора на деликатные темы и выражается не столько в словах, сколько в ласковых детских жестах: Андре «часто высказывал то, что писал или собирался писать, иногда он касался вопроса, который все время не давал ему покоя, – вопроса о Мадлен; но он делал это в такой отдаленной форме, что отцу в голову не приходила мысль, что речь идет о его жене. Но всякий раз, когда Андрэ упоминал о любви, Дорэну делалось и стыдно, и хорошо в одно и то же время; стыдно потому, что он был женат на Мадлен, и хорошо потому, что он вспоминал о матери Андрэ. Впрочем, он сдерживался и только один раз посадил Андрэ к себе на колени, –

точно Андрэ было восемь лет, – и сказал ему: Андрэ, ты знаешь, как я тебя люблю? – Знаю, папа» [Там же: 349].

Эта ситуация вызывает у героев, которые обычно держат дистанцию, чувство стыда, тем не менее именно исключительная близость позволяет им признаться друг другу в самых нежных чувствах. Интересно, что Андрэ, никогда открыто не говорит об отношениях отца с женщинами, интуитивно понимая сложность данной эмоциональной ситуации. Отец, со своей стороны, реагируя на намеки сына, также не заводит личные разговоры на тему, которую он, кажется, воспринимает как случайную, хотя Андрэ к ней неоднократно возвращается.

Эмпирическая реальность ребенка в рассказе Газданова позитивно связывает эмоциональное и рациональное: Андрэ получает знания, руководствуясь своими чувствами, но выражает их при помощи рациональных метафор, чтобы не испугать отца. Родитель же избегает упоминаний о своих переживаниях, в процессе взрослых разговоров с сыном стараясь просто сохранять дистанцию. Если старший из собеседников ни письменно, ни устно не выражает своих сокровенных чувств и мыслей, то Андрэ в дневниковых записях и художественных эскизах воплощает свою внутреннюю речь, тем самым как бы закладывая своеобразный «фундамент» для совершенствования автобиографической памяти, способности к самосознанию и формированию аналитического взгляда на отношения окружающих его людей.

Все описанное выше позволяет нам сделать вывод о том, что и в произведении Газданова, и в повести Санаева рациональное начало превалирует в сознании не взрослых людей, а маленьких героев. Данное обстоятельство обусловлено, в первую очередь, позицией рассказчика, рассматривающего мир детства глазами и взрослого повествователя, и ребёнка, причём взгляд последнего является острашением, подчёркивающим иррациональность конфликтов окружающих его людей. Авторы наглядно демонстрируют, как естественное, добродушное мировоззрение детей страдает от действий взрослых, и стараются ограничить последствия агрессивного потенциала их отношений.

Примечания

¹ См. подробнее: Fivush R. Die Entwicklung des autobiographischen Gedächtnisses. Übersetzt von Florian Hessel // Gudehus, Christian; Eichenberg, Ariane; Welzer, Harald (изд.): Gedächtnis und Erinnerung. Ein interdisziplinäres Handbuch. – Stuttgart, Weimar: Metzler, 2010. – С. 45–53.

² См.: Jandl I. Der Jugendliche in der Russischen Literatur vom 19. Jahrhundert bis in die Gegenwart // Frieß, Nina; Lenz, Gunnar; Martin, Erik: Grenträume – Grenzbewegungen. Т 2. – Potsdam: Universitätsverlag, 2016. –С. 125–148.

Литература

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – 350 с.
2. Газданов Г. Собрание сочинений: в 5 т. / под ред. Т.Н. Красавченко. – М.: Эллис лак, 2009. –Т. 2. – С. 335–366.
3. Диенеш Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество /перевод Т.К. Салбиева. – Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского ин-та гуманитарных исследований, 1995. – 303 с
4. Kant I. Kritik der praktischen Vernunft. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Bd III. Hrsg.v. Wilhelm Weischedel. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2014. – 302 с.
5. Локк Дж. Сочинения: в 3-х т. / под ред. И.С. Нарского. – М.: Мысль, 1985.– Т. 1. – 623 с.
6. Перевалова С.В., Савина, Л.Н., Тропкина, Н.Е. Пространство детства в русской литературе XIX – начала XXI века. – Волгоград: Перемена, 2018. – 191 с.
7. Санаев П. Хроники раздолбая. Похороните меня за плитусом. – М.: Изд-во АСТ, 2018. – 480 с.
8. Jandl I. Textimmanente Wahrnehmung bei Gajto Gazdanov. Sinne und Emotion als motivische und strukturelle Schnittstelle zwischen Subjekt und Weltbild. – Berlin: Peter Lang, 2019. – 566 с.

РАЦИОНАЛЬНОЕ И ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ В ЛИТЕРАТУРЕ И ФОЛЬКЛОРЕ

Сборник научных статей по итогам X Международной научной
конференции (Волгоград, 30-31 октября 2019)

Ответственный редактор: Е.Ф. Манаенкова

Редакционная коллегия:

А.О. Путило, О.О. Путило, Н.Е. Рябцева,

Л.Н. Савина, Н.Е. Тропкина.

Издается в авторской редакции

Дизайн обложки Е. Шварц

Вёрстка И.Л. Поликарпов

Подписано в печать 29.11.2019 г. Формат 297х210 мм. Бумага офсетная.

Гарнитура Times. Печать цифровая RISO RZ200.

Тираж 500 экз. 27 уч.-изд. л. Заказ № 58

Отпечатано ООО РА «Фортесс»

400066, г. Волгоград, ул. Коммунистическая, д. 11, литер А, оф. 56

8 (903) 371-61-83 E-mail: ra_fortess@mail.ru